

По мнению общепризнанного классика процессуальной мысли Марио Каппеллетти, развитие гражданского процесса в XX в. происходило волнообразно. Каждая из этих «волн» имела своей целью облегчить доступ к суду, снять социальные барьеры на пути к действенной защите нарушенных прав. Одна из них привела к бурному росту механизмов коллективной защиты, которые давали возможность координировать усилия отдельных лиц для достижения общих процессуальных целей.

Отечественное право по понятным причинам находилось в арьергарде мировых тенденций, но в конце концов и оно попало в зону их влияния. В 2009 г. АПК РФ был дополнен главой 28.2 о порядке рассмотрения групповых исков — но скорее неудачно, ибо законодатель дал слишком узкое определение общности, имевшей право претендовать на статус группы (входящие в группу лица должны были быть участниками одного и того же правоотношения). Через десять лет, в связи с принятием Федерального закона от 18.07.2019 № 191-ФЗ, этот недостаток был устранен; кроме того, положения о групповом иске нашли свое место и в тексте ГПК РФ. Поскольку КАС РФ, принятый в 2015 г., также не остался в стороне (вспомним ст. 42 с ее коллективным административным иском), можно сказать, что механизм групповой защиты теперь известен большинству видов отечественного судопроизводства.

Любые нововведения требуют доктринального осмысления. Укажем на те аспекты российского группового иска, которые, на наш взгляд, нуждаются в особенно пристальном внимании.

Прежде всего отметим, что добровольность формирования группы по модели *opt-in* — а именно эта модель взята за основу российским правопорядком — на поверку оказывается весьма относительной. Предъявление группового иска препятствует дальнейшему движению индивидуальных дел, возбужденных в пределах того же самого или однородного материального интереса лицами, **объективно** входящими в состав группы. Более того, по правилам арбитражного процессуального законодательства неприсоединение к группе влечет утрату права на предъявление участниками группы самостоятельных исков. Иными словами, действующий закон закрепляет механизм **принудительного стягивания** требований разных лиц в один процесс, проходящий под маркой группового. Однако насколько такое регулирование является сбалансированным?

Далее, возникает вопрос, насколько велика дискреция суда в определении качественных характеристик группы: вправе ли суд самостоятельно изменить такие характеристики, если видит, что предложенные процессуальным истцом (представителем группы) ее параметры указаны недостаточно точно и за бортом процессуальной защиты в рамках возбужденного дела оказываются лица, имеющие схожий материальный интерес? Аналогичный вопрос возникает и тогда, когда параметры группы указаны процессуальным истцом слишком общим образом: вправе ли суд сузить их, обусловливая это потребностями эффективного процессуального менеджмента?

Наконец, в отдельном осмыслении нуждается сама по себе правовая фигура «группа лиц». По сути, речь здесь идет о новом типе гражданско-правового сообщества, объединяющего субъектов, имеющих общую процессуальную цель — эффективную защиту принадлежащих им прав и законных интересов. А если так, то между ними устанавливаются относительные правовые связи ввиду участия в таком сообществе. Действующий закон закрепляет возможность заключения между участниками группы лиц соглашения о порядке несения судебных расходов, однако очевидно, что взаимоотношения между ними не ограничиваются лишь финансовым аспектом предстоящего разбирательства. В связи с этим нужно понять, допустимо ли заключение соглашения, устанавливающего определенный порядок ведения процесса лицом, представляющим интересы группы; обусловливающего совершение этим лицом ряда процессуальных действий согласием со стороны членов группы, вводящего меры ответственности за несоблюдение такого порядка и т.д.

Естественно, круг проблем может быть с легкостью расширен. Все это свидетельствует о том, что тема, ставшая центральной в данном номере журнала «Закон», представляется более чем актуальной. Полагаем, что предложенные вниманию читателей публикации будут важным звеном в рамках профессионального дискурса и послужат источником вдохновения для дальнейшей научной и практической проработки столь нетривиального процессуального института.

Даниил Володарский,

доцент кафедры гражданского процесса СПбГУ,
кандидат юридических наук